

Железнодорожный экспресс по маршруту «Москва-Владивосток», отошедший два часа назад от перрона столичного вокзала, весело постукивал на стыках рельсов и набирал скорость. Это был не простой поезд: в вагонах расположились писатели, поэты, драматурги и литературные критики со всей России. Наибольший интерес у пассажиров и обслуживающего персонала вызывал вагон «СВ» в середине состава, в котором ехали литераторы с мировым именем.

В первом купе этого вагона находились Виссарион Григорьевич Белинский и Дмитрий Иванович Писарев. Они уже почти час спорили о поэзии Александра Сергеевича Пушкина, оба были возбуждены и никак не могли прийти к общему знаменателю.

– Виссарион Григорьевич, – любезно обратился к собеседнику Писарев, – если творческая деятельность Пушкина давала какие-нибудь ответы на те вопросы, которые ставила действительность, то, без сомнения, эти ответы мы должны искать в «Евгении Онегине». Вот и давайте объективно посмотрим на этот роман...

– Давайте, – согласился Белинский.

– Об «Онегине» вы написали две большие статьи. Вот одна из ваших цитат: «Эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение». И далее опять цитирую: «В ней Пушкин является представителем пробудившегося общественного самосознания»...

– Ну и с чем вы, милостивый государь, конкретно не согласны?

– Прежде всего, нужно решить вопрос: что за человек сам Евгений Онегин? Характеризуя его, Пушкин пишет: «Мне нравились его черты... Страстей игру мы знали оба... И резкий охлаждённый ум... Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»... Попробуем задать себе вопросы. Чем же охлаждён ум Онегина? Какую игру страстей он испытал? На что истратил он жар своего сердца? Что подразумевает он под словом жизнь, когда говорит себе и другим, что жизнь томит его? Что значит, на языке Пушкина и Онегина, жить, мыслить и чувствовать?

Виссарион Григорьевич внимательно слушал и не перебивал своего визави.

– Ответы на все эти вопросы мы должны искать в описании тех занятий, которыми предавался Онегин с самой ранней молодости и которые, наконец, вогнали его в хандру. В первой главе Пушкин описывает целый день Онегина с той минуты, когда он просыпается утром, до той минуты, когда он ложится спать, тоже утром. И что же мы видим? Онегин одевается, едет на бульвар и гуляет там, затем перемещается в ресторан, где упивается шампанским в сопровождении изобилия изысканных блюд. Потом едет на балет. Войдя в театральную залу, Онегин начинает обнаруживать охлаждённость своего ума. Покритиковав балет и не досмотрев его до конца, покидает театр. Приезжает домой, переодевается для бала и отправляется танцевать до утра. Причём в ямской карете поскакал на бал стремглав; вероятно, вследствие охлаждённости ума. И так изо дня в день... Преобладающим интересом в этой весёлой жизни Онегина является «наука страсти нежной». «Но был ли счастлив мой Евгений?» – спрашивает Пушкин. Оказывается, что Евгений не был счастлив, и из этого последнего обстоятельства Пушкин выводит заключение, что Евгений стоял выше пошлой, презренной и

самодовольной толпы. С этим заключением, судя по вашим статьям, соглашаетесь и вы, Виссарион Григорьевич. Но я, к крайнему моему сожалению, вынужден здесь противоречить как нашему великому поэту, так и вам, хотя, говорю это вполне искренне, считаю вас величайшим критиком.

Лицо Белинского слегка побледнело, а Писарев продолжал.

— Когда человек чувствует себя молодым и сильным, он непременно погружается в тяжёлые раздумья. Он всматривается в себя самого и в окружающую действительность и начинает действовать. Жизнь ломает по-своему его теоретические выкладки, старается обезличить его самого и переработать по общей казённой мерке весь строй его убеждений. Он упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и в этой неизбежной борьбе обнаруживаются размеры его личных сил. Когда человек прошёл через эту школу размышления и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличной и пассивной массой или не возвышается? Если человек, утомлённый наслаждением, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом и, следовательно, никогда не будет иметь законного основания смотреть с презрением на пассивную массу. К числу этих вечных и безнадёжных эмбрионов принадлежит и Онегин...

Виссарин Григорьевич хотел что-то возразить, но неожиданно для самого себя сильно закашлял и полез в карман за платком.

Писарев как воспитанный человек сделал небольшую паузу, дождался завершения кашля и продолжил:

— Онегин скучает не оттого, что он не находит себе разумной деятельности, и не оттого, что он — высшая натура, а

просто оттого, что у него лежат в кармане шальные деньги, которые дают ему возможность много есть, много пить, много заниматься «наукой страсти нежной» и корчить всякие гримасы, какие он только пожелает соорудить. Ум его ничем не охлаждён, он только совершенно не тронут и не развит. Игру страстей он испытал настолько, насколько эта игра входит в «науку страсти нежной». О существовании других, более сильных страстей, страстей, направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия...

Виссарион Григорьевич снова закашлялся, ещё сильнее, чем первый раз, и прикрыл рот платком. Чахотка напомнила о себе в самое неподходящее время.

Когда Писарев увидел на платке следы крови, то пожалел, что затеял этот острый разговор и сразу решил завершить его.

– Виссарион Григорьевич, я обрываю эту тему... Если вам будет интересно, прочтите, если раньше не читали, мою статью «Пушкин и Белинский»... Бога ради, извините, что заставил вас поволноваться...

Белинский поднял руку и вяло махнул ей. А Дмитрий Иванович так и не понял, что означал этот жест.

Кашель у Белинского прекратился. Оба молчали, и беседа по инициативе Виссариона Григорьевича возобновилась лишь спустя четверть часа.

– Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о последствиях большевистского переворота в России в семнадцатом году, – сказал Белинский и заглянул собеседнику в глаза.

– Социалистический строй в СССР при всех его ошибках и шероховатостях был вершиной человеческого развития, – сказал Писарев, довольный, что разговор возобновился. – И достичь этих вершин позволила политика большевиков и в экономике, и в культуре. У детей рабочих и крестьян появилась возможность получить хорошее образование, чего не

было в царской России. Уберите десяток наших классиков девятнадцатого века из русской литературы, и почти ничего в ней не останется. А практически все они были людьми состоятельными. Им не надо было думать о куске хлеба, у них была возможность заниматься литературным творчеством...

– Вот именно, – перебил собеседника Белинский. – В советские годы рядовой гражданин мог достичь очень больших высот в любой области, в том числе и в литературе. Шолохов, Твардовский, да что там, появились десятки писателей и поэтов мирового уровня. Наше счастье, что после смерти Ленина страну возглавил Иосиф Виссарионович. Пока он был жив, СССР шёл от одной победы к другой. И не только в экономике и науке. А как стремительно развивалось музыкальное искусство. Неужели всё это было, но прошло... Правильно говорил Сталин. Дословно не помню, но за смысл ручаюсь. Пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимы. И, наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

– К великому сожалению это и произошло, – уныло констатировал Писарев. – Но меня больше всего бесит, что клевета как из рога изобилия продолжает сыпаться на Иосифа Виссарионовича.

– Правильно сказал режиссёр Бортко, Сталин – самая обоганная личность в истории двадцатого века. И мы до сих пор пожинаем плоды этой лжи. Множество исторических процессов в СССР после тысяча девятьсот пятьдесят третьего года указывали на развитие советского общества в сторону от коммунизма, назад к капитализму. Коммунизм как идея после смерти Сталина объективно проигрывал в классовой борьбе, развернувшейся во всех сферах общества, в том числе

и внутри самой партии. Сам факт, что юридический запрет КПСС произошёл с согласия генерального секретаря, всего состава Политбюро, ЦК и при полном бездействии местных организаций, говорит о том, что причина реставрации капитализма в СССР кроется в классовом поражении внутри руководства КПСС. По сути – в измене.

– Современный капитализм – это тот же людоед, что и сто лет назад. С той лишь разницей, что сейчас он пожирает под соусом научно-технической революции. И живём, не имея никакой национальной идеи...

– Это не совсем так, а скорее совсем не так, – не согласился Белинский. – Идеологическим фундаментом буржуазного строя современной России является антисоветизм и православие.

– Да, наверное, это так... И всё-таки России крупно повезло, – уверенно сказал Дмитрий Иванович. – Взяв на вооружение марксизм-ленинизм, Россия выстояла, преодолела все невзгоды, сделала головокружительный скачок в своём развитии. Жаль только, что россияне отступились от этой прогрессивной идеологии.

– Временно отступились, – поправил собеседника Белинский. – Идеи марксизма-ленинизма уничтожить уже невозможно. Они как дамоклов меч будут висеть над «головой» любой буржуазной власти.

– Так-то оно так, но посмотрите... – с интонацией разочарования сказал Писарев. – Почти никто из россиян работы Маркса, Энгельса, Ленина сегодня не читает. Историю СССР по документам, а не по выступлениям участников ток-шоу, не изучает... Короче, так глубоко не копают, как надо, боятся «лопату сломать». А интеллигенция? Подавляющая её часть – это люди, которые не изучают историю социалистического строительства, совершенно не ориентируются в политических процессах, происходящих в современном мире. Поэтому

неизлечимо и страдают болезнью под названием политическая наивность. Те, кто считает себя интеллигентами, – это, как говорится, «интеллигенты на босу ногу». Особенно ярко этот вывод иллюстрируют высказывания видных и действительно талантливых деятелей нашего искусства. Сколько музыкальных шедевров создал Юрий Антонов, а ратует сегодня за монархию в России...

– Что вы хотите от него? У него образование – музыкальное училище...

– Ну, тогда пусть публично не касается политики. Или Людмила Гурченко. Великолепнейшая актриса! Но противно было смотреть, как она расхваливала Ельцина... А Никита Михалков! Он же, просто, захлёбываясь от энтузиазма, пытался доказать в своих передачах какой выдающийся политический деятель был адмирал Колчак.

– Полностью согласен с вами.

– На последних выборах в Государственную Думу большое число избирателей, заражённое политической наивностью, проголосовало за «Единую Россию» А сразу после президентских выборов, эта партия резко усилила уровень эксплуатации трудящихся. То так называемая пенсионная реформа, то введение, смешно сказать, налога на сбор ягод и грибов в лесу, то новые штрафы, то инфляция... Другими словами, нагло оставила своих избирателей в дураках. Ну как тут не вспомнить известную фразу Грушеньки из «Братьев Карамазовых»: «Вот и оставайтесь с тем, что вы у меня ручку целовали, а я у вас нет»... Жить стало уже так противно, что умирать не хочется.

– Когда три козла подписали Беловежские соглашения, бараны промолчали.

– Особенно больно было смотреть, как повели себя представители руководящего состава министерства обороны, КГБ, МВД во время распада СССР.

– Они, пока служили в период разложения КПСС, научились «переобучаться в воздухе», поэтому и получили генеральские лампасы.

– Ничего, осталось ждать совсем недолго. Каких-нибудь два-три года – и мы увидим новую социалистическую революцию в России... – с воодушевлением произнёс Дмитрий Иванович.

– Народ безмолвствует.

– Возможно это заговор молчания. И заговорщиков становится всё больше.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – категорически не согласился Виссарион Григорьевич. – Нет рабочей партии, вооружённой революционной теорией, которая возглавила бы массы и довела бы революцию до победного конца. В далёкой перспективе мировая революция неизбежна, но никто не знает, какой лозунг будет написан на знамени этой революции. Вопросов много, но на то они и вопросы, что призывают нас к ответу.

– Не мешайте мне оставаться оптимистом. Пессимистом я стану и без вас.

Лишь бы получилось не так, как на Украине...

– Любой народ пишет свою историю с ошибками, – с печалью в глазах констатировал Виссарион Григорьевич.

– Мы же видим, – настаивал на своём Писарев, – как быстро складывается революционная ситуация... Посмотрите, на протестные акции выходят уже тысячи. Хабаровск, Минск. Провинция становится столицей общественного мнения.

– Да, действительно, уже «верхи не могут, а низы не хотят». Недееспособны те и другие, но в руках у «верхов» и финансовый ресурс, и силовой, и административный, и религиозный. И готовность пойти на всё ради сохранения своего статуса и активов. И что немаловажно, умелое манипулирование

мелкобуржуазной психологией подавляющего большинства «низов». Президент и правительство будут ещё тридцать лет обещать трудящимся счастливый капитализм.

– Политики обещают до тех пор, пока у них не отберут микрофон.

– Инертность и недееспособность – вот главные характеристики поведения «низов» на сегодняшний день.

– Но ситуация накаляется, и к активности людей подтолкнёт не пустой желудок, а, скорее всего что-нибудь другое; например, коронавирус. Последствий этой эпидемии мы до конца пока, на мой взгляд, не осознаём. Интрига сегодняшней жизни оформится уже завтра. И нам надо спешить. Не зря Твардовский написал: «Смерть – она всегда в запасе, жизнь – она всегда в обрез». Виссарион Григорьевич, вы бы написали статью, как вы видите сегодняшний и завтрашний день России. А эпиграфом к статье поставили бы такие слова: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. А Путин принял Россию с Чубайсом, похоже, что и оставит её с Чубайсом».

– Последнее время я ничего не пишу. Силы кончаются...

– Если силы кончаются, значит, они ещё есть. Будем ждать ваши новые статьи.

– Никакой социалистической революции не будет, – снова повторил Белинский. – Как говорил незабвенный Станиславский, не верю.

Писарев заметил, что собеседник опять начал волноваться и у него может разразиться новый приступ кашля. С учётом этого, он решил сменить тему разговора.

– Честно говоря, хочу перевести немного в другую плоскость нашу беседу. Виссарион Григорьевич, сейчас меня очень волнует состояние современного литературного процесса в России. Как вы его оцениваете?

Белинский задумался на несколько секунд и сказал:

– Здесь всё взаимосвязано. Как государство относится к писателям? Они же сегодня в отличие от советского периода – беспризорики. На какие шиши жить литератору? Гонорары-то в журналах копеечные, а чаще вообще автору ничего не платят...

– А есть десятки журналов, в которых публикация вообще платная... – усмехнулся Писарев.

– Ну, это для графоманов. Уважающий себя литератор на это не пойдёт. Это всё равно, что я сделаю табуретку, вынесу её на рынок и буду предлагать покупателям взять её мало того бесплатно, а ещё и деньги дам за то, что кто-то согласится забрать её.

– Любой графоман-любитель мечтает стать профессиональным графоманом.

– Вот именно... Так вот, сегодня я насчитал уже около тридцати писательских союзов. И вступить в них проще пареной репы: заплати деньги – и ты уже в писательском строю. Более-менее серьёзные – это Союз писателей России и Российский союз писателей. В них, хотя и не часто, но всё же встречаются стоящие авторы. Идеологически мне, конечно, ближе Союз писателей России, но и там меня слишком многое не устраивает. Больше половины литераторов в нём – это не писатели и поэты, а так называемая околотитературная среда. Да и соглашательская политика с олигархической властью не делает им чести. Опять же заигрывание с религией. Я говорил и не устану повторять, что в словах бог и религия вижу тьму, мрак, цепи и кнут. Если проанализировать взгляды самых выдающихся представителей человечества, то девяносто процентов из них, если не больше, были атеистами, потому что задали себе вопрос: «Если бог есть, то почему его нет?».

– А целый ряд знаменитых людей о своих атеистических взглядах высказались в ироничной форме. Мне больше всего нравится, как сказал Генри Менкен: «Церковь – это место, где джентльмены, никогда не бывавшие на небесах, рассказывают о них небылицы тем, кто никогда туда не попадёт».

– А Марк Твен выразился ещё смешнее: «Чем чаще человек поминает Бога в своих речах, тем усерднее я слежу за своим кошельком». Религия всегда отстаивала интересы только эксплуататоров, этим же она занимается и сейчас. Олигархический капитализм современной России настолько озверел, что уровень эксплуатации растёт практически ежемесячно. И что же? Церковь хоть один раз замолвила словечко за интересы трудящихся? Нет! Тысячу раз прав Ленин: «Религия – опиум для народа».

– А меня больше всего бесит просто чудовищный уровень бедности русского народа, – возмутился Дмитрий Иванович.
– Именно поэтому он так стремительно вымирает.

– А по-другому и быть не может. Или этот народ будет бороться за своё выживание, или будет безмолвствовать и вымирать. У нас в стране двести долларовых миллиардеров и у них в совокупности в полтора раза денег больше, чем в Федеральном бюджете России за 2020 год.

– Но мы видим, что русский медведь начинает просыпаться от спячки...

– Да, это так, – неохотно согласился Белинский.

– И кто, на ваш взгляд, на этом фоне будет «героем нашего времени» в русской литературе?

– Уверен, что уже кто-то пишет новый роман, где главными героями будут новые большевики. А вся эта прикормленная оппозиция, у которой хороший аппетит, в глазах народа продолжит терять привлекательность. Сегодня самый лучший способ отслеживать настроения людей – это читать ком-

ментарии в Интернете. Там их десятки тысяч и почти все угрожающие для власти. Вот и судите, кто в скором времени будет героем в жизни, а значит, и в русской литературе.

– А кого вы считаете лучшими писателями и поэтами в двадцать первом веке? – спросил Писарев.

– Кто лучший из прозаиков? На этот вопрос ответить очень сложно. Те авторы, которые получают денежные премии и у которых книги выходят регулярно, по уровню своего таланта безнадежно далеки от наших классиков, в том числе от классиков советского периода. Это другой сорт литературы, рыночный сорт. Эти авторы идут на поводу у читателей, а нужно вести за собой. В их текстах в лучшем случае присутствует добротный художественный язык и больше ничего. Однако уверен, что есть, есть талантливые и даже очень талантливые прозаики, тексты которых или выходят мизерными тиражами или вообще не продвигаются дальше сайта «проза.ру». Ну а там в потоке графомании заметить их просто невозможно. К такому выводу прихожу по той причине, что нет-нет, да и прочтёшь рассказ какого-нибудь совершенно неизвестного автора, и этот рассказ не даёт покоя несколько дней.

– Ну а вот роман Михаила Попова «На крессах восточных» или роман Александра Родионова «Князь-раб», – предложил в качестве эталона Дмитрий Иванович.

– Не спорю, хорошие романы, но событием в русской литературе они не стали...

– Может потому, что изданы смешным тиражом и не дошли до читателей...

– И по этой причине тоже, – согласился Белинский. – Но главное всё же, на мой взгляд, кроется в другом. Происходит смена поколений читателей. И у новых читателей художественный вкус деформирован. Этой цели буржуазное государство добивается уже тридцать лет. Молодому читателю в

основной своей массе нужны легковесные тексты: Акунин, Донцова, Устинова, Маринина...

– Кстати, о Марининой, – оживился Писарев. – Раньше ничего у неё не читал, а вот недавно увидел её книгу «Горький квест» и решил узнать, что там она вещает про Алексея Максимовича. Произведение в трёх томах, на многих страницах пустота. Но есть у этой книги один большой плюс: герои постоянно возвращаются к тексту повести «Дело Артамонова», подробно обсуждают образы, из взаимоотношения и так далее. Всё это поможет, особенно молодым читателям, лучше понять творчество Горького. А что мне категорически не понравилось, так это насмешливо-брезгливое описание советской действительности семидесятых годов. У молодых читателей может сложиться такое впечатление, что жизнь при советской власти была убогой, а вот сейчас хорошо живётся.

– Видел я эту книгу, посмотрел: тираж шестьдесят тысяч экземпляров. Вот именно такая литература и нужна нашей олигархической власти. Но если бы там прозвучали страшные цифры, характеризующие жизнь России за последние тридцать лет, то эта книга вышла бы в лучшем случае тиражом одну тысячу экземпляров. Всё это не русская, а псевдорусская литература.

– Да-а, цифры просто шокируют. Русских в России за последние тридцать лет стало на десять миллионов меньше... Да вы и без меня обо всём этом знаете.

– Самая главная причина плачевного состояния литературы в том, что русская литература патриотической направленности у нас запрещена. Да, да, запрещена! А чтобы это безобразие не слишком уж бросалось в глаза, нет-нет да и бросит власть «косточку» в адрес писателей-патриотов. Вот Валентин Курбатов получил наконец-то Государственную премию по литературе, а Николай Зиновьев стал Героем Кубани...

– А вот ещё одна возмутительная иллюстрация, – добавил Писарев. – Книжный магазин «Библио-Глобус» отказался продавать книги издательства «Институт русской цивилизации», которое выпускает в свет произведения таких авторов, как Достоевский, Леонтьев, Бердяев, Ильин, Рязанов, Шафаревич, Катасонов и многих других выдающихся мыслителей. Это же издательство, если помните, выпускает и Большую энциклопедию русского народа. Причина запрета на продажу – отказ некоего «общественного совета» работать с книгами данного издательства. При этом залы «Библио-Глобуса» забиты книгами Шендеровича, Акунина и других русофобов.

Через несколько минут собеседники перешли к обсуждению современной поэзии.

– ...А вот талантливому поэту в этом плане проще, – утверждал Белинский. – Текст стихотворения в десятки раз короче. Его легче разместить в печати, читатели быстрее его заметят, а значит, и дадут достойную оценку. Хотя и тут барьеры. Живуча зависть, действует принцип «свой-чужой» и много других факторов. Есть десяток-два хороших поэтов, но до эпитета «выдающийся» они явно не дотягивают. Да и сами писательские союзы плохо работают над «выращиванием» громких имён, не оказывают своевременной и существенной поддержки действительно талантливым авторам. Зачем-то появились «священные коровы», чьи стихи критиковать публично нельзя. От этого страдают прежде всего сами «священные коровы», ибо не имеют возможности ознакомиться с замечаниями читателей. Страдают и читатели, так как не наблюдают творческого роста этих в общем-то неплохих поэтов. Да и писательские союзы при такой политике теряют авторитет в глазах читателей. Вот всего лишь один пример. Я уже упоминал о кубанском поэте Николае Зиновьеве. Талант несомненный. Яркая литературная индивидуальность,

которую заметили и читатели и в Союзе писателей России. Зиновьеву, что бывает очень редко, повезло: обласкан и писательским союзом, и властью, и периодическими изданиями. И в список «священных коров» уже давно попал. И что же? В последние годы не выходят из-под его пера такие же пронзительные строки, какие он писал ранее. А если бы появилась принципиальная и доброжелательная критика в его адрес, возможно, его назвали бы лучшим русским поэтом в современной России.

– Да, согласен. Николай Зиновьев – один из лучших поэтов. Но кто же всё-таки самый лучший, Виссарион Григорьевич?

– Лучшим русским поэтом начала двадцать первого века я считаю Михаила Анищенко...

– Как я рад, что наши оценки совпадают! – воскликнул Писарев и даже подпрыгнул от радости.

– Всю жизнь ему не давали хода. Его творчество замалчивали, почти все литературные журналы включали перед его шедеврами красный свет. Я не видел ни одной статьи о поэзии Анищенко, да и узнал о нём, честно говоря, совсем недавно. Не понятно, куда смотрели чиновники Союза писателей России, кстати, членом которого он был, по-моему, с тридцати лет. И что совсем уж печально, до сих пор его творчество не получило достойной оценки. А ведь лучше него поэтическим языком никто не написал о сломе эпох в России и о том, что при этом пережил русский человек. А какой у него поток свежих и удивительно ярких метафор, какая концентрация мыслей и чувств в каждой строфе...

– Что да, то да. На днях мне прислали из Самары только что вышедшее собрание его сочинений в двух томах. Там я прочитал много его стихотворений, которые раньше не встречал в Интернете. А вы читали этот двухтомник?

– К сожалению, пока нет. Но я слышал об этом издании. Обязательно найду.

– Так вот, там я прочитал множество страниц, от которых просто дух захватывало. Есть там стихотворение, где лирический герой ведёт разговор с кладбищенским сторожем. Читали?

– Нет, впервые слышу...

– Я его тоже ранее не встречал. А тут прочитал два раза и сразу запомнил. Оно называется «Очень печальное стихотворение». Вот послушайте.

*На отшибе погоста пустого,
Возле жёлтых размазанных гор,
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.*

*Я сказал ему: «Видимо, скоро
Подойдёт неизбежный черёд...»
Но ответил кладбищенский сторож:
– Тот, кто жив, никогда не умрёт.*

*Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
– Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?*

*Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.*

*В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!*

Я заплакал, и месяц-заморыш

Усмехнулся в ночи смоляной...

Ах ты, сторож, кладбищенский сторож:

Что ты, сторож, наделал со мной?

– Потрясающее стихотворение, – Виссарион Григорьевич смахнул набежавшую слезу. – Вот это и есть настоящая поэзия.

Минуты две-три сидели молча.

За окном замелькали пятиэтажки. Состав стал тормозить. Намечалась первая остановка в долгом пути.

Вдруг дверь в купе с лязгом отъехала, и в проёме возник мужчина средних лет в форме прокурорского работника. В руках он держал дорогую кожаную папку, на одном из пальцев правой руки бросался в глаза золотой перстень с бриллиантом. За спиной мужчины стояли двое в полицейской форме.

Вошедший посмотрел на Писарева и громко спросил:

– Писарев Дмитрий Иванович?

– Да, я. А что случилось?

– Я старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, моя фамилия Абдраханов. Сегодня в отношении вас возбуждено уголовное дело по статье двести семь, часть первая. Решением Басманного суда города Москвы вы с сегодняшнего дня находитесь под домашним арестом. Вот постановления, – и следователь извлёк из папки какие-то документы.

– Ничего не понимаю. В чём меня обвиняют?! – возмутился Дмитрий Иванович.

– Поясняю, – ответил следователь. – Статья двести семь, часть первая – это публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

– Чушь какая-то. И какую же ложную информацию я распространил?..

– Ну как же. Вы же написали и опубликовали статьи «Мыслящий пролетариат», «Реалисты», «Базаров»?

– Ну, я...

– Вот за это и придётся нести уголовную ответственность. Вы отсидели в Петропавловской крепости четыре года, но выводы для себя так и не сделали. Вот я вам и помогу сделать выводы – усмехнулся Абдраханов.

– Но позвольте... – вмешался Виссарион Григорьевич.

– А с вами не разговаривают. Пока не разговаривают! А если будете и дальше много вкаты, то беседовать будем и с вами. Но в другом месте. А вы, – следовательно небрежно махнул рукой в сторону Писарева, – быстренько собирайтесь. Через три минуты остановка, выходим...

Через пять минут Дмитрий Иванович Писарев и «сопровождающие его лица» покинули вагон и вышли на перрон.

Поезд постоял всего две минуты и помчался дальше.

А из первого купе долго слышался надрывный кашель оставшегося в одиночестве пассажира.

